

А. С. Пушкин

**Баллады (рассказы в
стихах)**

Сказка и поэмы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П91

П91 **Пушкин А.С.**
Баллады (рассказы в стихах): Сказка и поэмы / А. С. Пушкин – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 46 с.

ISBN 978-5-517-98526-2

ISBN 978-5-517-98526-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РУСАЛКА.

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренный
Себе могилу старец рыл
И лишь о смерти вожденной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился Богу.
Дубровы делались черней,
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах...

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...
И вдруг... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные волосы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг падучею звездой
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день:
Перед собой с невольной думой
Все видел чудной девы тень.
Дубровы вновь оделись тьмою,
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
„Монах, монах! Ко мне, ко мне!“
И вдруг в волнах прозрачных тонет...
И все в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных берегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тень ночную,
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

1819 г.

Анахорет—слово греческое, значит: отшельник. В балладе пересказано предание, распространенное в разных местностях, о монахе или отшельнике, которого соблазнила русалка или водяная «нимфа». Во времена Пушкина казалось большой смелостью выводить в таком виде монаха. Вероятно, из опасения цензурных затруднений Пушкин назвал свою балладу «Русалка», а не «Монах», как предполагал раньше.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ.

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и пивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

„Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня.“

„Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен,
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.“

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда,
И волны, и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
 В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
 Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могучему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
 Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
 То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего:
Но примешь ты смерть от коня своего.“

Олег усмехнулся; однако чело
 И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
 С коня он слезает угрюмый,
И верного друга прощальной рукой
И гладит, и треплет по шее крутой.

„Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
 Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай: уж не ступит нога
 В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
 Въ мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном,
 Водой ключевою поите.“
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

„А где мой товарищ“, промолвил. Олег:
„Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Все так же ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?“
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: „Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье,
Мой конь и доныне носил бы меня.“
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: „Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне уже недалекой
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!..“

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертью кость угрожала!“
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запенясь шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1822 г.

Пушкин заимствовал рассказ о князе Олеге, которого прозвали «вещий», т. е. прозорливый, мудрый, из старинных летописей. Поэтому в стихотворении много старинных слов и выражений. *Хазары*—кочевое племя, которое часто делало набеги на русские селения и грабило их. *Царьград*, ныне Константинополь,—столица существовавшей при Олеге (X в. по Р. Х.) Греческой или Византийской империи; из Царьграда русские получали разные тонкие изделия и лучшее оружие, нежели то, какое могли изготовлять сами. *Кудесник*, *волхв*—предсказатель, жрец богов, которым поклонялись русские славяне до принятия христианства; главным из этих богов был *Перун*, бог грома. *Дружина*—отряд воинов, непосредственно состоявший под начальством князя. *Отроки*—его приближенные. *Секира*—топор. *Игорь*—сын Рюрика. *Ольга*—его жена и приемница. *Гости*—купцы, приезжие торговцы. *Тризна*—похоронный пир.

В X веке Россия делилась на мелкие *княжества*; русские (славяне) были еще народом мало просвещенным, поклонялись идолам, часто сами делали набеги на соседей с целью грабежа. Олег действительно ходил с войском на Царьград и, по преданию, прибил свой щит к его воротам в память своих побед над греками. Христианство русские приняли только при приемниках Олега, при Ольге и Владимире.

УТОПЛЕННИК.

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
„Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца.“
— „Врите, врите, бесенята“,
Заворчал на них отец,
„Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!“

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь.
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?“— „Вон, тятя, э-вот!“
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец, —

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит
И потопленное тело
В воду за ноги тащит

И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл, качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу.“

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река;
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воеет; вдруг он внемлет:
Кто-то там, в окно стучит.

„Кто там?“ — „Эй,пусти, хозяин!“ —
„Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда!
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно.“
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится, —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,

Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул,
Гостя голого узнав,
Так и обмер. „Чтоб ты лопнул!“
Прошептал он задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра все стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настаёт,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

1828 г.

Надо напомнить, что стихотворение написано задолго до преобразования суда в 1863 г. В те времена всякий суд был настоящим несчастьем, и каждый упстреблял все усилия, — только бы не иметь дела с судьями, пользовавшимися всеми предложениями, чтобы вымогать у обывателей деньги. Баллада пересказывает подлинное народное предание. Во времена Пушкина (в 20-х годах XIX в.) было ново и очень смело изображать народную жизнь без всяких прикрас и допускать в стихах такие выражения, как: «чтоб ты лопнул!» и т. под. Большая заслуга Пушкина в том, что он утвердил в русской поэзии *реализм*, т. е. верное изображение действительности.

ГУСАР.

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
„Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке;
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь,
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валяются сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы—молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши...“
— „А чем же? расскажи, служивый!“

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: „Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.“

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.